

ОБРАЗЫ ПОЛЯКА И БЕЛОРУСА-ЛИТВИНА В МНОГОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛАРУСИ XIX СТОЛЕТИЯ

НАТАЛЬЯ БАХАНОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт литературоведения
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь
e-mail: Natali_ja@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9360-6455>
(получено 1.09.2018; принято 14.09.2018)

Abstract

Image of Poles and Byelorussian-Lithuanians in multilingual literature of Belarus in 19th century

In this paper the imagological aspect of the 19th century multilingual literature of Belarus is investigated. The author analyzes the auto-image (the self-presentation of Belarusian-Lithuanians) as well as the hetero-image (the re-creation of the nearest geographical neighbors – the Poles). Attention is focused on the motifs and stereotypes about the Other, related to the common historical past of the Belarusian and Polish ethnic groups and the tasks facing their ancestors in the period under review.

Key words

Imagology, image, stereotype, Byelorussian, Pole, Lithuanian.

Резюме

Многоязычная литература Беларуси XIX ст. исследуются в имагологическом аспекте: анализируются представленные в ней автообраз – самопрезентация

белорусов-ливтинов, и гетерообраз – воссоздание ближайших географических соседей – поляков. Внимание акцентируется на распространенных в искусстве слова мотивах и стереотипах о Другом, специфика которых связана с общим историческим прошлым белорусского и польского этносов и задачами, стоящими перед нашими предками в рассматриваемый период.

Ключевые слова

Имагология, образ, стереотип, белорус, поляк, литвин.

“Имагология”, “имагологичный” – сравнительно новые термины в литературоведении, поэтому их содержание и статус еще нельзя назвать прозрачными и определенными, но междисциплинарность этой области знаний свидетельствует о ее широких эвристических возможностях. Образ Другого существует в сознании народа как элемент его собственного мировоззрения и участвует в формировании представлений про конкретную для данной группы людей реальность, что выглядит возможным только при условии наличия и осмысленности образа Своего. Другой не может существовать до той поры, пока не появится сам реципиент вместе со свойственным ему ощущением, видением и пониманием себя. Поскольку человек воспринимает мир бинарно, наблюдается и взаимозависимость этих процессов: образ себя окончательно оформляется только с осознанием отличия от Другого. Поэтому имагология оперирует понятиями автообраза и гетерообраза, составляющими ее теоретическую основу и направляющими ученого к одновременному поиску и себя, и Другого, а также Чужого. Причем, “если «Другой» – форма принятия и согласия на отличие, то «Чужой» – форма обособления, а часто и агрессии. Граница между «чужим» и «другим» достаточно тонка и изменчива” (Мельникова, 2016, с. 86), – отмечает Анжела Мельникова.

Давно замечено, что “важную роль в восприятии той или иной страны и народа играют топологические факторы: близость / пограничность / дальность. Часто близость и пограничность усиливают остроту восприятия «других», даже соседей, близких по своим корням...” (Земсков, online). Именно поэтому из разнообразного круга Других зачастую наиболее интересен тот, кто географически находится рядом, являясь в одинаковой степени и родственным, и далеким. В истории белорусского народа случилось так, что географически близкий Другой входил с ним в одну страну, что накладывает отпечаток на рецепцию образа, потому что государство как общая родина создает основание для более тесного взаимодействия этнических групп в своем составе. На протяжении всего XIX ст. в белорусской и польской литературах продолжали фигурировать мысли о возобновлении Речи Посполитой, поэтому специфика образа Другого в данном случае обуславливается не только географическими, но и культурными, и государственно-политическими факторами.

За период своего существования народ, за которым в XX ст. окончательно закрепилось название “белорусы”, имел разные наименования, среди которых были как этнонимы, так и политонимы. Их содержание на протяжении формирования нашего этноса как нации не единожды изменялось; но рассуждение сквозь призму этих наименований является обязательным, потому что процесс самопознания белоруссов в XIX ст. готовил возрожденческий подъем начала следующего столетия. Перед нашими предками стояла задача “разобраться в себе” как сущностно – с точки зрения генезиса, так и политически. Ответы на существовавшие вопросы позволили бы определиться с перспективами исторической поступи целого народа, который постепенно переходил от “литвинскости”, через “русинскость” и “польскость”, через легендарную “тутэйшность”, наконец, к “белорускости”. Возникла историческая необходимость отделения себя от польского этноса, поэтому рассмотрение в многоязычной литературе Беларуси XIX ст. образов поляков (“короняжей”) в соотнесении с белорусами (“литвинами”) с точки зрения региональных (бытовых, внешних, духовных и культурных) отличий и стереотипов находится в центре работы.

Имагологи расходятся во мнениях на тему того, входит ли в их компетенцию ответ на вопрос о степени истинности или лживости сформированных в искусстве слов образов-репрезентантов Другого. Для одних это является обязательным (Виктор Хорев), других этот вопрос вовсе не интересует (Валерий Трыков, Виктор Земсков). В настоящее время актуализируется совершенно иной аспект данного вопроса, касающийся общей направленности гуманитаристики на пользу человека и общества. Разговор все чаще ведется про особенную моральную ответственность ученого, в том числе и компаративиста: она заключается в недопустимости фальсификации, скороспелых выводов, проявлений гордыни, так как только исследование с позиций любви к человеку позволит не создавать кумиров и рассматривать все народы и литературы как достойные и равные (Мусиенко, 2013, с. 101; Навойчык, 2015). Акцент смещается с выяснения истинности или лживости выявленного в произведениях отношения к представителю иного мира на понимание причин и следствий как негативных, так и позитивных характеристик, сохранение уважения и такта в интерпретациях.

Знаменитое самоопределение наших предков как *gente lituanus, natione polonus* часто присутствует на страницах многоязычной литературы Беларуси XIX ст. Позicionирование себя в качестве поляка особенно характерно, когда разговор ведется о политических задачах, которые стояли перед представителями интеллектуальной элиты. Ян Ходзько в комедии *Освобожденная Литва*, где в связи с ожиданием прихода Наполеона на наши земли доминирует пафос надежды на возвращение былой страны, представляет героев, гордящихся своей “польскостью”. На этом основании дочь пана Тарговицкого Констанция отказывается быть женой офицера русского войска:

І скажу васпану шчыра: не хачу я замуж.
Полька я, інакшай мэтай сэрца апантана,
Вельмі розныя ў нас з панам цноты і заганы.

(Ходзька, 2012, с. 79)

Она держится с достоинством и называет себя полькой в первую очередь исходя из государственно-политических и гражданских интересов, например, объясняет свой отказ Ступайло в свете того, что, как представительница Польши, является носителем другой морали и внутренних установок, нежели он сам. Соответственно польским происхождением обусловлено и то, что сердце девушки принадлежит известному военными заслугами сыну пана Почтивского Казимиру. С ним она ведет разговор иначе, но также с гражданской позиции:

Полька я, таму ў сябры мужных выбіраю,
 Мусіш, рыцар, завяршыць вызваленне краю.
 Гонар страчаны вярні новай перамогай,
 Па ачышчанай зямлі – шчаснае дарогі.
 А тады вяртайся зноў, як сонца заззяе.
 Ведай, што цябе даўно каханне чакае.

(Ходзька, 2012, с. 86)

Во время самопрезентации героя политоним уступает место этнониму при смене ракурса представления: когда разговор ведется про обычную человеческую жизнь с ее бурными событиями, пребывание на территории бывшей Речи Посполитой и взаимодействие между разными этническими группами в ее составе и т.д. При этом наименования “лях”, “литвин”, “поляк”, “русин”, “белорус” далеко не всегда приобретают этнический колорит, часто фигурируя в качестве только региональной отметки, определения по признаку местожительства. Например, в стихотворении Франтишка Рысинского на отвлеченную экзистенциальную тематику именно так может быть объяснено появление образа “Ляха”:

Tak też ów Lach,
 Co niósł śmierć, strach,
 Kark przed nim giął,
 To go też wziął.

(Хаўстовіч, 2014, т. 1, с. 40)

Наименование “лях” всегда употреблялось при обозначении жителей западнославянских племен, а с течением времени – поляков, причем в этническом значении. Николай Хаустович комментирует представленный в стихотворении образ: “Политические, патриотические и национальные взгляды лирического героя в поэзии Ф. Рысинского почти не выявляются. Так, в стихотворении *Recepta na jedną sylabę* как про что-то отдельное от себя поэт говорит про Lacha. Правда, он не ассоциирует себя и с тем, “co go [Lacha] wziął” (Хаўстовіч, 2014, т. 1, с. 22). В художественном сознании Франтишка Рысинского демаркация разных этнических групп в составе бывшей Речи Посполитой не окрашивается неким специфическим смыслом и выступает скорее как топонимический признак.

Литературные тексты показывают, что региональные отличия могут служить основанием и для попыток размежевания представителей разных народов некогда единой страны с позиции уровня жизни и бытового устройства. Рассказ Габриели Пузыни *Месьць литвинки* с подзаголовком “правдивое происшествие” свидетельствует о существовании в окружении поляков стереотипного представления о бывших великокняжеских территориях. Оно возникло из-за факти-

ческого, в противовес юридическим договоренностям, отношения этнических поляков к землям, присоединенным к ним в конце XVI ст., как к “кресам” – некоему географическому приращку своей страны, а не политически равноправному государству.

Упомянутое произведение целиком посвящено развенчанию стереотипа о том, что польская аристократия пренебрежительно и предвзято относилась к белорусско-литовской шляхте:

Мы не ведаем, чаму прыпісаць, што з нейкай пары панове варшавяне сталі менш даймаць літвінаў бацвіннем і казаць, што ў Літве цемна, халодна, нудна і брудна? У дзяцінстве, будучы ў Варшаве, надарылася мне чуць падобныя жарты, якія для сэрца літвінкі (што ўспрымала ўсе даслоўна) былі дужа балючымі! І толькі цяпер з-за перамены думкі варшавян той боль крыху ўлагодзіўся. Літва для Варшавы доўга была тым, чым дагэтуль была Гасконія для парыжан і чым, на жаль, Жмудзь была для літвінаў: гэта значыць, аб’ектам кпінаў альбо здзіўлення, калі хто-небудзь з той гучнай і дзікай правінцыі аказваўся разумнейшым за таго, хто яго высмейваў.

(Пузыня, 2011, с. 17)

В рассказе Габриели Пузыни варшавяне демонстрируют вильнянам не только свою отдельность, но и как будто бы приоритет, противопоставляя общий уровень жизни и, как результат, своеобразный духовный облик аристократии. Героиня с мужем часто бывала в Варшаве и слышала там фантастические рассказы про первобытный быт и нецивилизованность литовской шляхты. “Достойная литвинка” мечтала развенчать эти мифы, поэтому, когда граф Л., громче всех смеявшийся над ними, решил навестить родню “в провинции”, она использовала представившуюся возможность. Тщательно продуманная встреча гостя проходила соответственно его преувеличенным представлениям: проблемы с транспортом, убогий внешний вид хозяев, прием гостя в курной крестьянской избе (незамысловатая посуда и простая еда) воздействовали на деликатного графа. Когда же ему предложили импровизированную постель на сене, он принял решение покинуть родственников.

Далее мистификация раскрылась, а герой признал свою вину и то, что заслужил “науку”, которую прошел у родственницы. В результате он провел полгода в литовском замке,

а калі вярнуўся да Варшавы, то, чуючы кпіны з Літвы, станавіўся на яе абарону і расказваў пра помсту літвінкі.

(Пузыня, 2011, с. 21)

В среде поляков восприятие литвинов как провинциалов, в жизни и быте которых все организовано на порядок ниже, – этнический стереотип. Он представляет собой набор разрозненных черт, которые тяжело сложить в реальный живой образ; однако этого и не требуется, так как “негативные черты “чужих” (Они-этнуса) призваны оттенять позитивные черты Мы-этнуса” (Чернявская, online), – отмечает Юлия Чернявская. Габриеля Пузыня с удовольствием демонстрирует это и приведенной историей, и полными самоуважения мыслями рассказчицы:

Не ходзіць тут аб тым, каб панове варшавяне так кепска думалі пра Літву, як дазвалялі сабе з яе кпіць. Усе-ткі з геаграфіі і статыстыкі яны добра ведалі пра малую розніцу клімату паміж Каралеўствам і Літвой. Вільня ж наогул славілася ўніверсітэтам, да якога Валынь, Падолле і Украіна, нават Каралеўства выпраўлялі сваю моладзь па навуку. Ужо голас песняра з-над Немана і Віліі сцвердзіў перавагу шаляў рамантызму над класіцызмам, а стырно варшаўскага ўрада хто ж трымаў як ні Літвін?

(Пузыня, 2011, с. 17–18)

В рассказе *Месьць литвинки* присутствует пассаж на тему свойственного литвинам настолько сильного чувства собственного достоинства, что оно не требовало подтверждений:

Пляткарылі, аднак, супраць Літвы, абы пляткарыць, бо так было модна, бо хтосці гэтаму папляскаваў; а, можа, і таму, што самаўпэўненыя літвіны слаба бараніліся.

(Пузыня, 2011, с. 17)

Согласно взглядам писательницы, этнические белорусы выглядят как народ, помнящий о бессмертной славе Великого Княжества Литовского и снисходительно относящийся к иронии. Насмешливая же “поза” “коропячей”, в свою очередь, следует из неудовлетворенности тем, что именно на белорусско-литовских землях живут знаменитые шляхетские роды Речи Посполитой, что как раз в так называемой польской провинции находятся богатейшие имения страны. И в культурном отношении эта географическая территория с ее сложной, но интересной историей и богатым духовным наследием содействовала возникновению славянского романтизма в лице мэтра Адама Мицкевича и его знаменитых сподвижников филоматов и филоретов. Неудивительно, что в стихотворении *К Адаму Мицкевичу* – поэтическом подарке “вещу” с Литвы – Габриеля Пузыня выражает чувство общности с романтиком именно на основе их этнической родственности:

Песняю, дарункам свайго краю
Выказаць табе хачу павагу,
Я Ліцвінка, да цябе спяваю,
Бо зямляцтва мне дае адвагу.

(Пузыня, 2012, с. 972)

Про рассказ Габриели Пузыни Ирина Богданович говорит: “С виртуозным рассказчицким мастерством она разворачивает сюжет, в котором можно заметить биографические черты” (Багдановіч, 2011, с. 15). Исследовательница ставит Габрээлю Пузыню в белорусской литературе рядом с Владиславом Сыракомлем и Винцентом Дуниным-Мартинкевичем и называет свою работу по переводу на белорусский язык рассказа и исследованию ее творчества в целом “возвращением в литературу графини-аристократки” (Багдановіч, 2011, с. 16). С точки зрения тематики произведение является знаковым для нашей литературы: очевидны его параллели с будущей *Идиллией* Винцента Дунина-Мартинкевича, где подобной героине демонстрировать красоту своих земель, доказывать их самоценность придется не кому иному, как ее уроженцу. Шляхтиц пан Летальский долго путешествовал по зарубежью и стал Другим и даже Чужим основной массе автохтонного населения белорусско-литовской территории.

Традиционным в художественной литературе XIX ст. стал сюжет, согласно которому в Польское Королевство литвины ездят для того, чтобы отыскать там жену. На этом основана “литовская баллада” Адама Мицкевича *Три Будрыса*, которая посвящена далеким временам – периоду правления Ольгерда, Скиргайлы и Кейстута. В произведении отец провожает в помощь литовским князьям троих сыновей для участия в войне. Сын, который поехал воевать с “ляхами”, получил дополнительное задание – привезти оттуда жену, потому что, как впоследствии выясняется, сама мать братьев тоже была родом из Польши:

Бо з нявольніц мне толькі
 Спадабаліся полькі, –
 Так панадны мне стан іх дзявочы,
 Твар іх бела-ружовы,
 Як смоль, чорныя бровы,
 Як дзве зоркі, іх свецяцца вочы.
 Маладым чалавекам
 Я адтуль прад паўвекам
 Сабе вывез палячку за жонку;
 Хоць яе пахаваў я,
 Ўсе яшчэ ўспамянаю,
 Калі гляну я ў тую старонку.

(А. Міцкевіч, *Тры Будрысы*)

В счастливом финале произведения Адама Мицкевича отец вынужден готовить свадьбу для всех троих сыновей, потому что неожиданно все они вернулись домой с польскими девушками.

Легенда о том, что за женами литвины ездили в Польшу, находит место и в творчестве Тадеуша Лады-Заблоцкого. Исследователи полагают, что сюжет этой баллады заимствован из *Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси* Матяя Стрийковского (Баршчэўскі, Васючэнка, Тычына, 2014, с. 83). В поэме *Ляшка* представлен образ внешне и внутренне красивой молодой девушки, созданный без этнических признаков и сопоставлений. Ее захватил по пути с поля боя представитель вражеской в отношении к ней этнической группы, которого она с ненавистью называет “дзікім Ліцвінам”, “злым д’яблам”. По мнению мужчины, они должны вступить в брак, которой, по мнению героини, станет “кровавым”, ведь герой убивал братьев и отцов будущей жены. Однако он, плененный красотой, совсем не обращает внимание на это, рассчитывая на семейное счастье:

...О Ліцвіне, злы д’ябле!
 Твая ступлена шабля
 На шчытах маіх браццяў,
 І ці ж міласць такая
 Кроў пралітую сплаціць,
 Маю распач зласкае?”
 “Кінь баяцца, дзяўчына,
 Калі ў рукі Ліцвіна
 З вас трапляе якая,

Найперш плача, нябога,
Потым смех яна знае –
Прывыкае, нічога.

(Лада-Заблоцкі, 2012, т. 3, с. 921)

Поняв, что враг ее не отпустит, умная ляшка с легкостью смогла обмануть Литвина, пообещав продемонстрировать действенность своего уникального оберега от смерти. Желая проникнуть в тайну бессметрия, парень опускает саблю на шею героини и тем самым лишает ее жизни. Образ “ляшки” вызывает симпатию: она не только красивая и умная, но и гордая, непокорная, потому и считает лучшей судьбой принять смерть, нежели жить с врагом своего народа. Трагичен портрет обманутого девушкой воина Литвина, который с сожалением направляется домой, готовый отдать все трофеи за возвращение польской красавицы. Представленные в поэме Тадеуша Лады-Заблоцкого образы этнически не маркированы, но уже только на основании использования этнонимов в качестве имен действующих лиц можно делать выводы относительно некогда воинствующих между собой народах.

Воспетая в поэтических произведениях Адама Мицкевича и Тадеуша Лады-Заблоцкого красота польских женщин, безусловно, затрагивает чувство национального достоинства белорусов-литвинов. Однако следует привести документ XIX ст. *Наставление русского своему сыну перед отправлением его на службу в юго-западные русские области*, где царское правительство при выполнении государственных задач также считает опасными именно полек:

Ты еще молод и, вероятно, вздумаешь когда-нибудь жениться. Держись же крепко за сердце и берегись обольщения какою-либо полькою. В ремесле увлекать едва ли в целом мире найдутся искуснее обольстительных полячек. Они не следуют рабски текущей моде, а заботятся наряжаться только к лицу так, чтобы природная красота их выставлялась поразительнее и чтобы своими ухватками и позами вернее увлекать в свои сети мужчин. Для этой цели они неподражаемо искусно умеют притворяться, играть всякие роли, применительно к характеру и вкусу тех, кого желают прельстить; представляются то меланхоличками, то резвушками, то простодушными и невинными, то будто беспечными и беззаботными. Не верь, русский, этим фокусам-покусам! Все это ловкая игра, все это обман и ложь.

(Горизонтов, 1999, с. 259)

Царские инструкции в период проведения политики обрусения направлены на то, чтобы предупредить возможные смешанные браки с представителями колонизированного народа, но они позволяют верить на слово особенной привлекательности польских женщин.

Еще одной иллюстрацией данного мотива выступает сюжет повести *Тарас Бульба* Николая Гоголя, события которой происходят в XVI ст.: влюбленность в польскую красавицу привела Андрия к измене своему народу. Поддавшись сильному чувству, герой перешел на сторону противника и даже возглавил его ряды, из-за чего был убит собственным отцом.

По мнению переводчика Николая Хаустовича, Игнат Яцковский в романе *Повесть из моего времени* вступает в спор с Адамом Мицкевичем на тему ожи-

даний от прихода Наполеона. Принимая во внимание эту позицию, вероятным можно считать и желание писателя вступить в диалог с романтиком по заявленному “женскому” вопросу. Игнат Яцковский на страницах произведения развивает мысль об особой домовитости великокняжеских женщин, в связи с чем начинается рассказ про героиню Богусю, которая самостоятельно готовит праздничные блюда к пасхальному столу. Описание молодой девушки как прекрасной хозяйки в произведении плавно перетекает в развернутое сравнение литвинок с польками:

Чаго толькі, Божа ты мой, гэтыя караняжы не нагаворваюць на ліцвінаў, сцвярджаючы, што да іх саміх трэба ездзіць па розум, а на Літву – па грошы. А тут высвятляецца, што калі наш Ягайла ажаніўся з Ядвігаю з Кароны, дык яму было сорамна, што ягоная жонка не мае чым прыняць у сябе гасцей, бо ў яе – ані аптэчкі, ані вяндліны.

(Яцкоўскі, 2010, с. 164)

Следом за этим уникальным пассажем, в продолжение начатой темы, рассказчик вспоминает легенду о том, как король повез жену в Вильно показать, какие там хозяйки, и научить готовить местные блюда; история повторилась и с другой женой, которую тот возил с этой же целью в Ковно. Противопоставлением литовских и польских женщин по свойственным им кулинарным и вообще хозяйским способностям автор, возможно, продолжает свой спор с великим романтиком, защищая и возвышая представительниц белорусско-литовской земли. Это свидетельствует об осознании им региональных отличий в бытовой культуре и воспитании, а также о его исключительном “литвинском” патриотизме.

В то же время у Игната Яцковского распространены и характеристики поляков и белорусов-литвинов с позиции их родственности как представителей былой Речи Посполитой. В частности, представляя читателю мастера танцев Пилецкого как “полезного” гостя в любом доме, который с удовольствием исправляет ошибки детей, автор добавляет:

І хоць лічылася, што гэта робіцца задарам, аднак візіты твья і яму былі больш карыснымі, чым урокі ў мястэчку, бо гэта ў польскай натуры – нам больш падабаецца быць шчодрымі, чым выканаўцамі сваіх абавязкаў.

(Яцкоўскі, 2010, с. 76)

Писатель стремится выделить специфику литвинов в ряде ситуаций, например, когда рассказывает про их помощь французам, оставшимся на нашей территории после войны. Однако географическое соседство и продолжительный опыт жизни двух народов в пределах одного государства, как, наверное, и общечеловеческие ценности, далеко не всегда позволяют Игнату Яцковскому отчетливо провести разграничение по этническому признаку.

Літасцівы па сваей прыродзе характар ліцвінаў (ды і ўсей Польшчы) яшчэ больш падмацоўвала думка, што і з нашымі землякамі, крэўнымі альбо дзецямі дзесьці на чужыне тое самае магло здарыцца. Лес тулягі – вялікае няшчасце, а што казаць, калі яшчэ і пераслед яго гоніць! Таму, не зважаючы на жahlіваю пагрозу, не знайшлося на Літве такіх, хто б адпрэчыў беднага тулягу, да якой бы нацыі той не належаў.

(Яцкоўскі, 2010, с. 155)

В *Воспоминаниях Соплицы* Генрика Жевуского сопоставление великокняжеских и королевских территорий звучит из уст гавендзяжа, который рассказывает про события исторического масштаба, апеллируя к личности Пана Коханку. Кароль Радзивилл, демонстрируя полученную в наследство от предков ладанку с иконкой, где зашита уния Литвы с Коронай, делится мнением, какая земля, вместе с ее природой и жителями, лучшая:

Я люблю Карону, пане каханку, але няма лепш, як наша Літва. Я і ў Кароне маю кавалак зямлі, але д'ябал бы там сядзеў. Там хутчэй кушняка пабачыш, як аб'ездчыка. Мы тут мядзведзяў б'ем, а там аблаваю на перапелак палююць. У каронцаў суслікі, а тут – тлустая дзічына.

(Жавускі, 2005, с. 73)

По причине территориальной близости и похожести белорусского и польского ландшафта, флоры и фауны, реалистичность таких сравнений сомнительна. Создавая этот стереотип, писатель строил красивый миф об исключительности Родины и сакрализировал ее.

Согласно рассказу, обстоятельства конфликта с виленским бискупом заставили Радзивилла подумать о бегстве в Корону, и с этого момента история будто бы приобрела мистический характер. Магнат уверяет, что, сосредоточившись на молитве, услышал голос самого Бога:

Ен мне ў адказ: “Радзівіле, вяртайся на Літву, бо тут анічога не дасягнеш, тут шляхта гнюсная. *Ostende patrem patris* – гэта філасофія вальнскае і кіеўскае шляхты, не так, як у нас на Літве, дзе кожны ад продкаў на сваей зямлі сядзіць (бо мая прабабка была ліцвінка). Дык вяртайся на Літву і кланяйся наваградскай шляхце ад мяне.

(Жавускі, 2005, с. 73–74)

Приведенная история может показаться христианскому человеку святотатством: в юмористической манере Кароль Радзивилл рассказывает про свой диалог с самим Богом и даже наличие у них общих корней – литовских. Но так гавендзяж, вслед за магнатом, действиями которого решались важнейшие вопросы государственно-политического масштаба и формировалось общественное сознание, нес службу белорусско-литовской земле.

Описания литвина и поляка как типов в литературе XIX ст. встречаются преимущественно в форме представления отдельных героев, однако на основании их характеристик можно делать выводы о специфических чертах этнических групп. В исторической прозе Юлиана Крашевского Литва и Корона особенно часто разделяются, позиционируются как самостоятельные регионы, населенные разными народами. В романах и повестях писателя обращают на себя внимание замечания следующего содержания:

Свет і Карона польская пазіраюць на радзівілаўскія багацці з асаблівай увагай... (Крашэўскі, 2009, с. 18); але мы хочам, каб ен убачыў Нясвіж і адчуў, што такое літоўскія Радзівілы (*Кароль в Несвиже. 1783*) (Крашэўскі, 2009, с. 21); другое такое адмысловае прыгажосць ідзі па ўсей Кароне і Літве пашукай, а ня знойдзеш (*Последние минуты князя воеводы (Пане Коханку)*) (Крашэўскі, online) и т.д.

Писатель использует по отношению к героям наименования, данные по признаку происхождения и местожительства: “литвин”, “короняж”, “русин”. Часто именно этноним становится ключевым в характеристике человека, а смутность происхождения служит основанием для недоверия и настороженного отношения. В повести *Последние минуты князя воеводы (Пане Коханку)* Юлиана Крашевского описывается отец красавицы Вавжбувны как обедневший, но родовитый литвин:

Бацька стары, сівы, постаць паважная, хоць і ўбогасць засцяпкоўная, а выглядом цягнуў на сенатара. Ен заўседы хадзіў у шарачку, як гэта прынята ў старых ліцьвіноў, у макавым кунтушы. Лоб лысы, валасоў ужо амаль і не засталася, пісга ад палашап раз увесь чэрап такая, што мала б у ей палец не схаваўся. Відаць змалада сечку любіў.

(Крашэўскі, online)

В данном описании “литовскость” сопутствует шляхетности: они одинаково позиционируются посредством, во-первых, отваги (военное прошлое), во-вторых, фенотипа (врожденное достоинство), в-третьих, самопрезентации (например, одежда). По утверждению Волковой:

“Одежда – это текст, состоящий из знаков и символов. С помощью этого текста люди общаются друг с другом, конструируют свой образ, пытаются достичь определенных целей, удовлетворить какую-то потребность. Одежда дает реальную возможность выразить свою индивидуальность, это Я-образ, который носят на себе. Одеждой человек заявляет о своих привязанностях, поддержке традиций либо об отказе от них. Человек подбирает вещи, которые, с его точки зрения, символизируют то, что он хотел сказать о себе: о своей половой принадлежности, возрасте, доходах, профессии, статусной позиции, вкусах, настроении, принадлежности к какой-либо социальной группе”

(Волкова, 2005, с. 46).

Акцентирование внимания на манере одеваться в белорусской литературе о высородном сословии является распространенным. В повести *Орлолеты і Подконвойный* Войслова Савича-Заблоцкого позитивное отношение автора к своим героям подчеркивается в том числе и их внешним убранством:

Кунтуш на сабе меў ваяводскі, яго яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай насіў святой памяці бацька яго Ямці Пан Стараста, але, на знак цяперашняй няволі для народа, аперазяў яго жалобным поясам.

(Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 155)

В образе главного героя произведения Януша Павла Орлолета также доминируют шляхецкое достоинство и знаково-символическая одежда, что взаимосвязано: человек с гордостью носит вещи предков, свидетельствуя тем самым о своей миссии продолжения традиций.

Достоинная самопрезентация, самоуважение и вообще представительный облик белорусов в многоязычной литературе Беларуси прослеживается и на образах персонализированных персонажей из природного мира, с которыми люди вступают в контакт. В поэме *Мачеха* Адели из Устроини действует молодая героиня “литовочка” – так ласково называет ее автор, – которая ждет молодого парня, который должен приплыть по опасно бурному в это время Немане. При-

родные персонажи также приобретают признаки, согласно их территориальному размещению в пространстве – все они являются “литовчиками”:

Што!!! – расшумеўся барочак, –
Ці гэта я не літоўчык?
Каб дазволіў буры гукаць,
Цераз сосны віхрам веяць!.

(Адэля з Устроні, *Мачыха*, 2012, с. 1038)

Так бор пытается помочь девушке – “литовочке” в ее противостоянии и природным стихиям, и мачехе, которая выступает против этого брака и даже желает смерти избраннику падчерицы. Сохранение жизни жениху, который едет свататься к любимой девушке, “литовчик” – бор считает делом чести, так же как и его компаньон “литовчик” – Неман:

Пасля азваўся Нямночык:
А я гэта – не літоўчык!
Ці ж буду сябе бурыць,
Ці ж дазволю сваіх тапіць!
Ці ж я смеленька не плыну
Дый і буры не падкіну!
О! Не знала, то пазнае,
Яку ваду Немане мае!
Яж у лужках купаюся,
Па ніўках расцілаюся,
З віцінамі прапляваю,
Літоўскае сэрца маю!
І пярвей высахне мора,
Як мне з вадой змуціць бура.
Пярвей увесь свет у вадзе стане,
Як мой сваяк у дно гляне!
Не на тое я разліўся,
Не на тое мяне Бог стварыў,
Каб роднага брата забіў!

(Адэля з Устроні, *Мачыха*, 2012, с. 1038)

Местная природа в облике таких персонажей, как Неман, бор, чувствует себя полноправной властительницей в белорусско-литовских землях: герои всеми силами содействуют своему человеку – молодой девушке. И дело не только в хозяйствовании на земле: сама возможность называться “литовчиком” позволяет персонажу раскрыть внутреннюю силу и продемонстрировать способность позитивно влиять на события в своем крае.

Если образ литвина обычно наделяется признаками достоинства, родовитости, внешней и внутренней красоты, то в репрезентации поляка в белорусской литературе часто доминирует акцент на внешнем шике и способности произвести впечатление. Недаром сын войта в *Горсти пшенициы* Владислава Сыракомли, вернувшись из Кракова, рассказывает, как он полюбил польские привычки, касающиеся самопредставления и времяпровождения:

– Што за мова у палякаў,
Што за песні, проша пана!
Напяваюць кракавяка,
А мы так пьем пагана.
Мы спяваем так шчымліва,
Словы песні – боль, гаркота,
Смутах льецца ў кожнай ноты,
Ажно рэха плача ў нівах.

(У. Сыракомля. *Жменя пшаніцы*, 1993, с. 146–147)

В *Воспоминаних квестора* Игната Ходьки встречаем характеристику “короняжа” из уст трижды вдовы, вспоминающей свою жизнь и, в частности, историю последнего замужества. Перед читателем предстает портрет ее избранника – молодого мужчины, жителя Польского Королевства, поручика из гусарского полка:

Малады, мой дабрадзею, гогаль на тры локці, караняж, вэрсат, чалавек бывалы, мой дабрадзеі! Калі прыбярэцца, бывала, і сядзе на каня, мой дабрадзею, золата з яго цячэ! Ах, які зух! Што ен вытвараў! Цяжэй за ўсе было вытрымаць, калі ен пачне заляцацца, дык аж млею ўся. Полк спыніўся за міляў дваццаць адсюль, а ен запісаў сабе зімовую кватэру тут, дзе і размясціўся. То доўгімі вечарамі ў дадатак, як возьме тэарбан і зайграе ды заспявае ці куранта, ці якую жаласлівую ўкраінскую думу, дык ужо не магла запярэчыць свайму сэрцу, закахалася. А яшчэ: «Мая душка! Мой анелачак! – мовіў ен. – Буду цябе на руках насіць, буду цябе дзічынаю карміць, як паедзем у мае маенткі ў Кароне, то будзеш там як сыр у смятане плаваць». Дык ужо мосці дабрадзею, паслухалася сэрца! Паслухалася сэрца... і трапіла, як пальцам у неба.

(Ходзька, 2007, с. 109–110)

В данном отрывке описание жителя Короны сливается со стереотипной, распостраненной в славянской литературе XIX ст. характеристикой военного – гусара. Среди качеств этого героя называются беззаботность, недалёковидность и стремление к мгновенным удовольствиям. Описание, отмеченное внешним лоском, мнимым престижем, теряет значимость со вступлением поляка в брак с постаревшей владелицей солидного наследства, так как становятся очевидными подводные камни такого союза и истинное лицо жениха.

В романе *Обрусители* Надежды Ланской выявлен колоритный поляк эскулап доктор Пшепрошиньский, образ которого создается двумя его характеристиками – как специалиста и как представителя своего этноса, обе из которых негативны. Общий уровень образования, профессионализма и моральности героя оставляют желать лучшего: поняв, что выбранный род деятельности не принесет желанного дохода, он практикует ростовщичество.

К специфическим польским качествам в героине писательница относит следующие:

У доктара былі польскія радавод, польскія звычкі і тая штучная, з дзяцінства нададзеная ласкаваць погляду, якая ў палякаў нярэдка пераходзіць у прыкрую пяхоту, калі яны звяртаюцца да жанчын.

(Ланская, 2012, с. 696)

Надежда Ланская с брезгливостью описывает эту привычку польского доктора, так же как и манеру обращения с завышением должности или звания собеседника. С целью заслужить расположение, Пшепрошинский называет ротмистра Зыкова полковником, что объясняется автором:

...польская вытанчаная ветлівасць абавязкова патрабуе, каб чалавека называлі тытулам, якія яму не належыць: ротмістра – палкоўнікам, палкоўніка – генералам, генерала – якнебудзь вышэй, суддзю – панам прэзідэнтам і г.д.

(Ланская, 2012, с. 696)

Замеченная свидетельницей XIX ст. особенность, кажется, актуальна и сегодня и выдает, с одной стороны, некоторую амбициозность и стремление поляков к славе и почету, с другой – обычное человеческое желание выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

Даже выбранная для героя фамилия “говорит” про его искусственную вежливость, угодничество, которые для автора романа неприятны и неприемлемы. Историк Леонид Горизонтов объясняет, что именно фамилии на *-ски, -цки* в рассматриваемый период были ключевым признаком выявления польского происхождения человека. Исследователь обращает внимание, что это осталось запечатлено и в художественной литературе: “Играя на различиях фонетического строя польского и русского языков, авторы антинигилистических романов 60–70-х гг. нередко давали своим «антигероям» утрированно польские фамилии” (Горизонтов, 1999, с. 109). Имагологический портрет Пшепрошинского в романе *Обрусители* свидетельствует о том, что писательница, во-первых, достаточно четко очерчивала разницу между этническими группами, входящими уже в Российскую империю, во-вторых, лучше относилась к населению бело-русско-литовских земель, чем к полякам.

Сущность этностереотипа заключается в придании Другому упрощенной характеристики, осованной на примитивной оценке в формате “хорошо – плохо”, “приемлемо – неприемлемо” и т.д. Именно созданием оппозиций окружающий мир структурируется в сознании автора имагологических конструкций, или концептов. При этом, довольно часто мир Другого представляется в негативном ключе, а собственное пространство – в позитивном, что не выходит за рамки базового принципа выживания человека с точки зрения психологии: ты должен быть “отрицательным”, чтобы я, на фоне возникающего контраста, мог чувствовать себя “положительным”. Отталкиваясь от исторических задач, можно говорить, что негативный образ соседа объясняется и стремлением отграничиться от него, осознать отдельность и, что особенно важно, увеличить свою значимость, что легче всего достигается возвышением себя на фоне Другого.

Формирование Белорусского губернаторства содействовало тому, что его население постепенно все более воспринималось в качестве представителей отдельной территории, которую составляли в основном Могилевщина и Витебщина. По мнению Юлии Чернявской, “сознательно белорусами звали себя, в первую очередь, люди грамотные, которые имели представление об административном делении, четко понимали отличие белорусского от польского и русского языков и дифференцировали собственный стиль жизни от стиля жизни

русских и поляков” (Чернявская, online). Например, в качестве белоруса позиционирует себя Артем Верига-Даревский, стараясь представить в литературном и публицистическом творчестве преимущественно свой регион – Витебщину. Беларусь, Литва и Корона предстают в его произведениях как сестры, а в стихотворении по случаю выступления в Могилеве музыкантов, поэт взывает не к политической, а к религиозной общности:

Ты w drgnieniu boskich klawiszów rodzicem,
 Nieście nas siostróm: Litwie i Koronie...
 (Хаўстовіч, 2014, т. 1, с. 200)

Войнислав Савич-Заблоцкий в художественных произведениях использует топоним Белая Русь, чем подчеркивает территориальную привязку и собственную принадлежность к определенной местности. Писатель очерчивает “географию” действий повести *Орлолеты и Подконвойный*:

А есць у нас таксама й гарады, дзе карамелі і марцыпан, як быццам, раслі калісьці!.. Гэта, што праўда, не Вільня, ані Кракавы і Пазнані, або маладая Варшава, ані святы таксама рускіх князеў Кіеў! Аднак жа чыстыя і вялікія прастары Полацк і Віцебск і Магілёў.
 (Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 125)

По мнению Юлии Чернявской, жители Минской, Гродзенской и Виленской губерний, исходя уже из своего административного названия – Литовское губернаторство, в значительно большей степени чувствовали дифференцированность от России, чем жители Могилевской и Витебской (Чернявская, online). Поэтому рассказчик Павел Завиша пытается ликвидировать напряженность в отношении белорусов не только со стороны поляков, но и самих литвинов:

Скоса, аднак, і Кароны, і Літвы жыхар на яе пазірае, – а далібог! Цурацца нас такіх вялікіх прычын не маюць: бо ані радавiтасцю, ані дастаткам, ані старой польскай цнотай белыя русiны не саступаюць iм нiколькi.
 (Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 124)

В повести в форме размежевания белорусов с поляками и литвинами проявилось смирение автора с данными политическими границами между государствами, несмотря на его патриотизм и общий антироссийский пафос произведения. Мировоззренчески же Войнислав Савич-Заблоцкий, как свидетельствует его художественная проза, даже в конце XIX ст. все еще чувствовал себя гражданином Польши-Речи Посполитой. Соответственно, колоритный нарратор не углубляется в имагологическое сопоставление представителей названных этнических групп, а акцентирует внимание на специфике жителей белорусского региона:

I гэта не ў iншай дзяржаўнай зямлi, а менавіта ў гэтай Рускай i Беларай знаходзiцца тое, што ўжо даўно брыдкi смурод сучаснай гнiлiзны выпарыў са свету: там сустракаюцца не апошнiя дзецюкi, а на могiлках старадаўнiх туляецца годнасць!
 (Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 124)

Писатель показывает ценность и духовную красоту белорусов, что проявляется в их верности традициям, толерантности, патриотизме и стремлении по-

литически, экономически и духовно содействовать своему народу в обстоятельствах, которые сложились.

Исследование отличий представителей разных этнических групп в пределах белорусско-литовского населения проявляется в литературе не только в размежевании белоруса с литвином, как это показано в повести *Орлолеты и Подконвойный*, но и полешука с литвином, литвина с русином и др. Еще в начале XIX ст. Адам Мицкевич высказался на тему того, что именно русины (так он называет часть современной Беларуси, за которой закрепилось наименование Полесья) сохранили этнические качества:

Из всех славянских народов именно русины, это значит крестьяне Пинской, частично Минской и Гродзенской губерний, сохранили наибольшее количество общеславянских черт. В их сказках и песнях есть все. Письменных памятников у них мало, только *Литовский Статут* написан их языком, самым гармоничным и из всех славянских языков наименее измененным.

(Цвірка, 1998, с. 122).

В произведении *Исповедь. Отрывок из жизни моего приятеля* Адама Плуга также противопоставляются двое белорусов – это пасечники, которые работают в имении героя пана судьи. Литвин и полешук позиционируются как репрезентанты разных этнических групп:

Былі гэта два паццывыя старцы, ліцвін і паляшук, якія і мовай, і строямі, і нормаўмі вельмі адрозніваліся. Толькі ў адным былі падобныя: абодва паважалі пана, абодва лічыліся за знахараў і абодва не любілі адзін аднаго ад самага сэрца. Суддзя асабліва шукаў задавальнення ад гэтага іх адрознення. І атрымлівалася так: прыйшоўшы да палешука, расказваў яму дыктэрыйкі, якія быццам чуў ад ліцвіна (...) А ліцвіну ўвесь час даводзіў, што паляшук чаруе ягоняя вуллі.

(Плут, 2013, с. 545).

Юмористический способ взаимодействия судьи с пасечниками связан с его веселой натурой, а его доброе отношение к обоим, как и характер их самих, делают очевидным, что, несмотря на разницу во внешнем облике, языке и убранстве, по внутренним качествам литвин и полешук отличаются не настолько уж сильно и даже имеют много общего.

Пасечник-полешук появляется еще в одном эпизоде произведения, когда жалуется на конкурента-литвина, демонстрируя при этом особую суеверность жителей белорусского Полесья:

Паляшук з адчайным выразам твару з тысячамі падрабязнасцяў пачаў распавядаць, як пракляты ліцвін зачараваў яму пчальнік, ды так, што ў гэтым годзе ў яго было менш раеў, і ў дадатак наслаў мядзведзя, які яму ўжо чатыры пні развярнуў. І даводзіў вельмі шчыра, што гэты мядзведзь зачараваны, бо не ідзе на тыя месцы, дзе есць колы ці калодкі.

(Плут, 2013, с. 569)

В связи с исторической изменчивостью и неоднозначностью смыслового наполнения ряда существующих этнонимов и политонимов, в многоязычной литературе Беларуси XIX ст. наименование поляка используется в ситуациях гражданской значимости, а разграничение поляков и белорусов-литвинов осу-

ществляется, скорее, как признак местожительства. В литературе, с одной стороны, фигурирует мотив того, что испокон веков наши предки брали польских красавиц себе в жены; с другой стороны, есть доказательства, что великокняжеские женщины были более хозяйственными, в связи с чем польки ездили к ним учиться. В описании белоруса “литовскость” часто сопутствует шляхетности; в описании же поляка акцентируется внимание на внешнем лоске и умении произвести впечатление, а также особенном мастерстве заискивания перед собеседником. Однако некий налет отрицательности на образе соседей, присутствующий в литературе, не является чем-то исключительным и отражает всего лишь желание, во-первых, идентифицировать себя в пространстве и времени, во-вторых, самоутвердиться в собственных глазах. Осознание и смирение с актуальным административным делением сопровождается попытками разграничить этнические группы и в пределах белорусско-литовской земли.

Библиографія

- Адэля з Устроні, (2012). *Мачыха*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Багдановіч, І. (2011). Вяртанне графіні-літвінкі. *Маладосць*, № 3.
- Баршчэўскі, Л. П., Васючэнка, П. В., Тычына, М. А. (2014). *Словы ў часе. Літаратура ад рамантызму да сімвалізму і нашаніўскага адраджэння*. Санкт-Пецярбург: Неўскі прастор.
- Волкова, В. В. (2005). *Имиджология*. Ставрополь: Северо Кавказский государственный технический университет.
- Горизонтов, Л. Е. (1999). *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX века)*. Москва: Индрик.
- Жавускі, Г. (2005). *Успаміны Сапліцы*. Мінск: Лімарыус.
- Земсков, В. Б. *Образ России в современном мире и другие сюжеты*. Online: <https://culture.wikireading.ru/73933> (13.09.2018).
- Крашэўскі, Ю. *Апошнія хвіліны князя ваяводы (Пане Каханку)*. Online: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=4557 (13.09.2018).
- Крашэўскі, Ю. (2009). *Кароль у Нясвіжы. 1784; Апошняя са слущікіх князеў*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Лада-Заблоцкі, Т. (2012). *Ляшка*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Ланская, Н. (2012). *Абрусіцелі*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Мельнікава, А. П. (2016). *Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя*. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны.
- Міцкевіч, А. *Тры Будрысы*. Online: <https://be.wikisource.org/wiki> (13.09.2018).
- Мусяенко, С. (2013). Польская литература в имагологической интерпретации В. А. Хорева. *Балтийский филологический курьер*, № 9.
- Навойчык, П. І. (уклад) (2015). *Гісторыя славянскіх літаратур і праблемы параўнальнага вывучэння: тэорыя і практыка*. Пад агул. рэд. Т. В. Кабржыцкай, М. М. Хмяльніцкага. Мінск: БДУ.

- Плут, А. (2013). *Сповідзь. Урывак з жыцця майго прыяцеля*. В: Кісялевай, Л. Г., Сенкевіч, Н. М. (уклад). *Літаратура другой паловы XIX стагоддзя*. Ч. 2. Т. 5. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Пузыня, Г. *Да Адама Мицкевича*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Пузыня, Г. (2011). Помста літвінкі. Праўдзівае здарэнне. *Маладосць*, № 3.
- Савіч-Заблоцкі, В. (2004). Арлалеты і Падканвойны, або Полацкая шляхта. *Полымя*, № 1.
- Сыракомля, У. (1993). *Жменя пшаніцы*. В: Сыракомля, У. *Добрыя весці*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Хаўстовіч, М. В. (2014). *Даследаванні і матэрыялы: літаратура Беларусі XVIII–XIX стагоддзяў*. Т. 1. Warszawa: Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Ходзька, І. (2007). *Успаміны квестара*. Мінск: Universitas.
- Ходзька, Я. (2012). *Вызваленая Літва альбо пераход праз Неман*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Цвірка, К. (уклад) (1998). *Філаматы, філарэты*. (Серыя 1. Мастацкая літаратура). Мінск: Беларускі кнігазбор.
- Чернявская, Ю.В. *Белорусы: от “тутэйшых” к нации*. Online: http://lib100.com/social_psychology/belarusians/html (13.09.2018).
- Яцкоўскі, І. (2010). *Аповесць з майго часу, альбо Літоўскія прыгоды*. Warszawa: Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego.